

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ДВА ГОФМАНА – ЩЕЛКУНЧИКА

стр. 8-11

№26 (55)
июнь 2021

ДВА ГОФМАНА – ЩЕЛКУНЧИКА

Отто Вильгельм Дерффер, дядя Э. Т. А. Гофмана

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Геннадий Норд

Кенигсберг — это не просто крепость, не просто столица Восточной Пруссии и Германского государства, не просто центр торговли, искусства, образования. Кенигсберг — это родина родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта, филолога, первого академика Петербургской академии наук Готлиба Байера, поэта, автора учебников по риторике Валентина Тило — младшего, живописца-баталиста Александра Кацебу, архитектора Бруно Таута, проекты которого внесены в список всемирного наследия ЮНЕСКО, скульптора Курта Фрика, композитора Луи Габста и еще более двухсот знаменитых деятелей политики, искусства, литературы Германии, Израиля, России, Австралии, США и других стран.

Каждый из них достоин отдельного захватывающего рассказа.

Но сегодня речь не о них.

Мы поговорим сегодня о Гофманах, один из которых появился на свет в Кенигсберге и стал самым талантливым алкоголиком в истории, и о двух Щелкунчиках.

А вы не знали?

Щелкунчиков было двое. Обоих придумали писатели по фамилии Гофман с разницей в пятьдесят лет.

Э. Т. А. Гофман со своим любимым котом Муром

Сказочный персонаж Щелкунчик, залюбленный принц, победивший Мышиного короля, придуман более двухсот лет назад. Он стал героем балета Чайковского и одним из символов европейского Рождества. Но мало кто знает, что, кроме Щелкунчика-принца, был еще и Щелкунчик-король.

Первого, более известного Гофмана звали Эрнст Теодор Амадей.

Родился Эрнст Теодор Амадей Гофман в Кенигсберге в 1776 году у самых обычных людей, может быть более неблагополучных в браке, чем все остальные.

Отец — выходец из старинного дворянского рода, адвокат, крайне капризный, тщеславный и высокомерный человек, но талантливый и мечтательный. Мать — дочь королевского адвоката, полная противоположность отца, педантичная, аккуратная и склонная к душевной болезни с непредсказуемыми истериками. Этот несчастный союз просуществовал недолго, и даже многочисленные дети его не спасли. После развода родителей в 1779 году все старшие дети достаются отцу, а младшие, включая Эрнста, матери.

С тех пор маму мальчик видел крайне редко, а его воспитанием занялась бабушка и две незамужние тетки. Строгий благочестивый лоск ему придал дядя Отто, очень эрудированный человек, мистик и фантаст, но вместе с тем ужасный ханж и педант.

С шести лет Эрнст посещает протестантскую школу, где открывает для себя огонь французских романов, увлеченно читая Руссо. По соседству с его домом располагался женский пансион, и под воздействием юношеского романтизма, очарованный одной из воспитанниц, мальчик прорыл подкоп. Однако, садовник, заметив диверсию, засыпал подкоп песком. Гофман же после этого не сдался и пробрался на территорию пансиона на самодельном воздушном шаре, который потерпел аварию. Улавлив на середину двора проказник был вынужден спасаться бегством от разъяренных собак.

Всесторонне одаренный, но немного нервастеничный Гофман с ранних лет проявил себя как музыкант, художник и поэт. В 12 лет он уже считался в школе чудо-ребенком, учился не просто хорошо, а прекрасно. Виртуозно играл на арфе, органе, скрипке и гитаре, владел тремя языками, прекрасно рисовал и сочинял прелестные стихи. После оконча-

ния школы не мог определиться только в одном: стать музыкантом или художником? Семья ответила — будешь юристом, чтобы всегда получить свой кусок хлеба. И дядя настоял, чтобы Эрнст поступил на юридический факультет.

И вот с 1792 года Гофман изучает юриспруденцию в Кенигсбергском университете. Среди профессуры — сам Иммануил Кант! Правда, Гофман ни разу не посетил его лекции.

В 1798 году Гофман сдал второй государственный экзамен и уехал в Берлин работать референдарием аппеляционного суда. Отъезд способыствовал еще и сплетни и слухи ханкеского и мещанского окружения дяди. Гофман преподавал музыку молодой жене виноторговца Доре Хатт. То, что женщина была на десять лет старше Гофмана, не помешало разгореться безумной страсти. Но как ни скрывали Гофман и Дора свою любовь, слухи о скандальной связи поползли по Кенигсбергу и стали предметом широкого обсуждения...

...Столица сразу захватывает Гофмана в свой водоворот. Концерты, театры, азартные игры, музенирование, опера...

Все это время он продолжал заниматься музыкой, с 18 лет давал уроки и вспоми- .

Автопортрет Э. Т. А. Гофмана

нинал годы своей юности так: «Ах, если бы я мог действовать согласно влечениям своей природы, я непременно стал бы композитором. Я убежден, что в этой области я мог бы стать великим художником, а в области юриспруденции всегда остануться ничтожеством».

Кстати, Эрнст Теодор Вильгельм Гофман добавил себе имя Амадей, отдавая дань уважения Моцарту.

Искусство не мешало ему продвигаться по карьерной лестнице. В 1800 году он блестяще сдал третий государственный экзамен, и в этот же год его назначают в окружной суд города Познань на должность ассессора.

Атмосфера маленького городка угнетает молодого человека, привыкшего к столичной сути. Его страшно терзают несвоевые периферийные унылости его буйных фантазий. Единственным способом раскрасить эту серость становится ежедневные попойки. Он быстро допивается до галлюцинаций, когда из каждого угла появляются химеры, которые нашептывают из темных коридоров свои шокирующие родословные. Его фантазии заняли трон реальности, а реальность превратилась в тень.

На карнавальном маскараде в 1802 году среди гостей мелькали несколько господ в масках, распространяющие карикатуры авторства Гофмана на влиятельные особы из числа местной аристократии. Наказание не заставило себя долго ждать, и вместо перевода в Берлин его отослали еще дальше на восток, в городишко под названием Плоцк. Здесь у него, кроме судов над куриными ворами и несчастными пьяницами, даже нет работы. В 1803 году он написал в своем дневнике, что окончательно превратился в чиновника и никому падать некуда.

Чуть позже судьба улыбнулась Гофману, и его переводят из провинции в Варшаву. Гофман рисовал карикатуры и писал фортепианные сонаты. И, наконец, бросает юриспруденцию, возглавляет филармоническое общество и дирижирует оркестром на симфонических концертах. Он достигает локальной, но все-таки известности как композитор, публикуется его первая соната для фортепиано. Гофман пишет свои первые критические статьи как литератор. Он почувствовал себя счастливым и начал всерьез думать о том, чтобы оставить ненавистную юриспруденцию и целиком отданную искусству.

Но в окрестностях Вены войска Наполеона одерживают свою первую блестательную победу, и в 1806 году французы уже заняли Варшаву. Гофмана по чьей-то находке обвинили в шпионаже в пользу Пруссского короля, и его семья вынуждена прятаться на чердаке музыкального собрания, председателем которого был Гофман.

У тридцатилетнего Гофмана несколько грандиозных по задумке опер, но кому нужно искусство в такие времена? Как юрист он тоже оказался не у дел, и только карикатуры на Наполеона помогают ему зарабатывать на кусок хлеба.

Но в 1808 году Гофману все-таки предлагаются должность капельмейстера в театре Бамберга. Он переезжает в Бамберг, работает в театре, пишет рецензии в музыкальную газету.

В 1810 году, в 34 года, Гофман написал несколько опер, в том числе знаменитую «Удину», и по протекции друга стал штатным композитором и художником-оформителем театра в Бамберге.

Тем временем Наполеоновская война докатывается до Дрездена, а Гофман, как кажется, совершенно не пытается

Иллюстрация Петера Карла Гайслера к сказке Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», 1840 год

обезопасить свою жизнь. Однажды он оказался в пятидесяти шагах от французских войск, ведущих перестрелку, и спасая пурпурную шляпу с его головы. Он же просто нагнулся, поднял шляпу, надел ее и пошел дальше. Когда французы, пораженные увиденным, зааплодировали, Гофман отвесил изящный поклон и удалился.

В 1812 году друг ушел из театра, Гофман был вынужден уйти вслед за ним и вернуться к юридической службе. А война к этому времени утихла, Пруссия превратилась в полицейское государство с повсеместным шпионажем и доносами. Гофману же оказана честь определять правого и виноватого в этом беспределье, но поскольку он отличный специалист в юриспруденции, вместо доносов он умудряется оправдывать все новых и новых либеральных мыслителей, отторгнувшихся от тюремных кодексов и законов.

С 1814 года он постоянно жил в Берлине и работал в разных должностях в Министерстве юстиции. Именно тогда он перестал сочинять музыку и начал писать сказки, первой из которых стала «Золотой горшок».

В общем, у Гофмана все, как говорят, устаканилось. Он вел тройную жизнь. Днем — работа в суде, требующая хладнокровия и ясности мысли, вечером — винный погребок, а ночью — сводящие с ума встречи с потоками освобожденного спиртным подсознания.

В 1816 году, среди крысиных лиц заседаний суда и родился образ заколдованного уродца с квадратной челюстью, что яростно отбивается от несметной мышиной тучи, которая варварски хочет уничтожить последние ростки надежды на лучшее.

В общем, Гофман пил всю свою жизнь, причем делал это методично и принципиально. Для него вино было самым быстрым и эффективным способом запускать мотор вдохновения. И Гофман стал автором персонажа новых времен, маленького, ничтожного уродца с раздутым самолюбием и гаденькой душонкой, лишенной не то чтобы каких-то идеалов, но и дара членораздельной речи, которому все это не мешает следовать светлым идеалам, и пробиваться сквозь толпы врагов, и побеждать.

В феврале 1822 года здоровье Гофмана совсем подорвалось. Доктор делает все возможное для своего времени, но Гофман спокоен. В своем воображении он уже построил пути отступления для главного героя и его возлюбленной в виде прекрасного пряниного замка. В марте этого же года, проснувшись рано утром, Гофман почувствовал, что полностью здоров, боли не было. На самом же деле паралич уже достиг шеи, но он улыбался.

Классический сюжет, где Щелкунчик — заколдованый принц, побеждающий Мышиного короля, принадлежит именно ему. Впервые его сказка была напечатана в берлинском рождественском сборнике в 1816 году и в последующие 200 лет претерпела множество серьезных переделок.

Историю про Щелкунчика Гофман придумал, общаясь с детьми своего приятеля

Премьера балета «Щелкунчик» в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, 1892 год

ля — Фрицем и Мари. Именно так зовут персонажей сказки «Щелкунчик и Мышиный король».

Сюжет ее таков: в рождественский вечер Фриц и Мари, дети советника медицины Штальбаума, получают множество подарков, среди которых есть маленький неказистый деревянный человечек по имени Щелкунчик. Ночью Мари просыпается и становится свидетельницей битвы, которую ожившие игрушки ведут против семиголового Мышиного короля и его войска. Армии игрушек храбро командаются Щелкунчик. Девочка хочет помочь, но внезапно чувствует боль в руке и без сознания падает на пол. Через несколько дней ее крестный Дроссельмейер рассказывает Мари, что Щелкунчик раньше был его племянником — красивым и благородным юношей, но потом по воле королевы Мышильды превратился в деревянного уродца. Его можно расколдовать, но для этого нужно, чтобы он победил Мышиного короля, а его самого полюбила Прекрасная Дама. Которой и становится Мари. В один прекрасный день в доме Штальбаумов появляется молодой человек — племянник Дрос-

セルメイエラ, который признается, что «перестал быть жалким Щелкунчиком». На свадьбе Мари и Дроссельмейера танцуют 22 тысячи нарядных кукол, а потом она становится королевой в Стране щекатых рощ и марципановых замков.

В 1844 году Александр Дюма-отец опубликовал свою версию сказки Гофмана под названием «История Щелкунчика». По легенде, он сочинил ее для детей, которых на вечеरинке в шутку привезли его к стулу и потребовали, чтобы он рассказал им хорошую историю. В версии Дюма-отца стало гораздо меньше мистики, но больше романтики. У Гофмана до конца остается непонятным, реально ли было все, что рассказывала про Щелкунчика Мари, или это были ее фантазии.

Когда в конце XIX века директор Русских Императорских театров Иван Все-волжский заказал новый балет Петру Ильичу Чайковскому, то настоял на том, чтобы за основу для либретто был взят именно французский вариант, потому что он «задорнее, веселее, хлеще». При том что и Чайковский, и Мариус Петипа, который считается автором либретто, хотели поставить балет именно по сказ-

ке Гофмана. В итоге либретто отдали второму балетмейстеру Мариинского театра Льву Иванову — человеку скромному и сильно пьющему, который написал все так, как просили. В балете, который впервые был представлен публике в декабре 1892 года, мистический момент исчезает вовсе: в финале Мари просыпается и понимает, что вся история ей приснилась.

После Первой мировой войны Мари в российском балете «Щелкунчик» стала Машей, ее брат Фриц стал отрицательным персонажем, хотя у Гофмана именно он добывает Щелкунчику саблю для битвы с мышами, а Мышиный король превратился в Крысина.

В дальнейшем классический сюжет Гофмана менялся еще множество раз. Например, в знаменитом советском мультфильме 1973 года главная героиня из дочери хозяина дома превратилась в служанку — то есть в сюжет добавили немного Золушки. А в музыку — «Лебединого озера» и «Спящей красавицы».

В более современном российско-германском мультфильме, снятом в 2004 году, действие сказки происходит в рождественском Санкт-Петербурге.

В одной из последних экранизаций сказки «Щелкунчик и четыре королевства» девочку зовут Клара и она путешествует по Стране снегов, Стране цветов и Стране сладостей.

***

Второго Гофмана звали Генрих, он был врачом-психиатром и жил в середине XIX века. В 1851 году для своего маленького сына он написал сказку «Король Щелкунчик и бедный Рейнгольд». Сказку по сюжету похожую на рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и немного на «Голубую стрелу» Джанни Родари: мальчик из бедной семьи умирает в лачуге, вдруг к нему является ангел и приглашает встретить Рождество в великолепную страну игрушек, где правит Король-Щелкунчик на деревянной лошадке. Сюжет про Щелкунчика-короля, как и второго Гофмана, знают немногие, однако столяр Фридрих Вильгельм Фюхнер, создавший первого сувенирного Щелкунчика, вдохновлялся именно им.

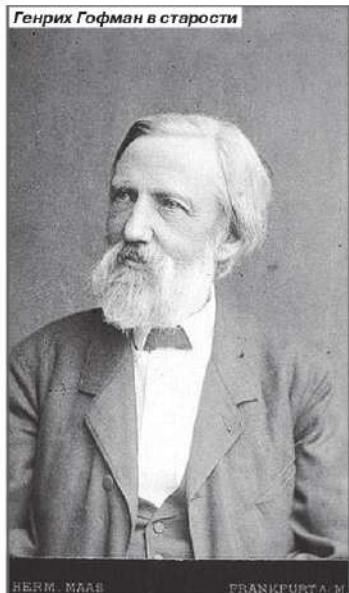
Генрих Гофман в свое время был, пожалуй, не менее знаменитый. Прославился он, прежде всего, одной детской книжкой, но был интересным человечком во многих отношениях.

Родился он и почти всю жизнь прожил во Франкфурте-на-Майне. Мать рано умерла, ее место заняла добрая и любимая Генрихом тёта; отец-архитектор — суровый приверженец всяческой дисциплины и порядка. От него, собственно, юный Гофман и сбежал учиться на медика в Гейдельберг, Галле и Париж. Вернулся, только когда отец уже совсем слёг.

Выучился он на врача самого широкого профиля — и с эпидемией холеры боролся, и хирургией серьезно занимался, а около сорока лет стал главврачом франкфуртского сумасшедшего дома. Раньше он психиатрией не занимался, просто ухватился за открывшуюся муниципальную вакансию. Частная практика

Памятник Э. Т. А. Гофману, как борцу с самим собой

KING NUT-CRACKER OR THE DREAM OF POOR REINHOLD

A FAIRY TALE FOR CHILDREN

Freely rendered from the German of Dr. HEINRICH HOFFMANN
(Author of "Struwwelpeter")

BY

J. R. PLANCHE, Esq.

Author of "The Golden Branch," "Island of Jewels," etc.

Laugh and be good,
As little folks should.

Окончание. Начало на с. 8-9

и работа в больнице для бедных были не слишком доходны, а у него уже была собственная большая семья: любимая жена, Тереза Доннер, и трое детей. За дело взялся со всем рвением, усердием и ответственностью и занимался им до конца своей долгой жизни.

Гофман придерживался не самой распространённой тогда точки зрения, что если больные содержатся в хороших и удобных условиях, у них и здоровье может поправиться — и значит это еда ли не больше, чем собственно лечение. Добился перестройки клиники, разбил при ней большой сад, стал известен мягким обращением с больными и дружескими с ними отношениями. Это сработало: например, больные, чем у трети больных-шизофреников он за несколько месяцев в клинике добивался многолетней ремиссии; есть данные и о полном излечении, хотя сейчас в них сомневаются. Ничего удивительного, что в родном городе он приобрёл большой почёт и популярность.

В 1848 году сочувствовал революции, потом стал довольно последовательным либералом и демократом: стоял за объединение Германии, за конституционную монархию, за свободу печати и расширение свободы выборов, за равноправие граждан, включая евреев — даже политический клуб основал, а из местной масонской ложи вышел как из слишком антисемитской. Больших политических успехов не достиг, но особых неприятностей из-за таких либеральных крайностей не имел — город слишком ценил его как врача.

И как писателя, ибо именно в этом качестве его ждала великая слава. Стихи и комедии Гофман сочинял с юности, но читатели оставались к ним равнодушны, а театры не проявляли заинтересованности. Автор гордился, но у него был безотказный круг ценителей — собственная семья: для жены и детей он писал и сам иллюстрировал рукописные книжечки.

В 1845 году одна такая книжка, сочинённая в подарок на рождество для сына, попала в руки знакомому издателю и пошла в печать под заглавием «Забав-

ные истории и потешные картинки, с пятнадцатью раскрашенными иллюстрациями, для детей 3–6 лет». Книжка имела успех, начала переиздаваться; с третьего издания она сменила название и стала именоваться впредь по первому стихотворению — «Косматый Пётр», в каноническом русском переводе Минаева — «Стёпка-Растрёпка».

Переиздание было всё больше, на разных языках огромными тиражами. На английский, кстати, «Пётра» перевёдил Марк Твен. Появилась «сопутствующая продукция»: с воспроизведениями картинок из книжки — первыми, кажется, подключились производители столовой посуды, и чашки и тарелки с героями Гофмана в ходу уже полтора года.

Потом — игрушки, статуэтки, настольные игры-гуськи, музыкальные и театральные обработки, карикатуры на политиков, стилизованные под персонажей книжки, и так далее.

Почти все эти истории про непослушных детей поистине ужасны. Сам Пётр, он же Стёпка-Растрёпка, отдался сравнительно дёшево: он отказывался стричься и причёсываться, зарос косматыми волосами, и все над ним потешались. А непоседа Филипп вертёлся за обедом, раскачивался на стуле и в итоге опрокинул на себя всё, что было на столе. Другим пришлось хуже: Полиночка играла со спичками и сгорела дотла, к вёлкому горю двух своих любимых кисок; Конрад сосал пальцы — и портной отстриг их ему ножницами; Каспер не желал есть суп — и умер с голода; Фридрих был зверь и простолюдин — и его искусала собака, доктор дал ему горькое лекарство и уложил в постель, а собака с удовольствием съела Фридрихов суп (похоже, что отношения детей с супом в семействе Гофмана были особенно напряжёнными).

На жуткие истории всегда хватало любителей, и «Косматый Пётр» стал одним из первых ужастиков для юных читателей.

Русский миаевский перевод вышел через дюжины лет после оригинала, переиздавался десятками раз, сам «Стёпка-Растрёпка» стал вполне нарицательным персонажем и в качестве такого до-

жил до нашего детства. Правда, к тому времени саму книжку по-русски давно не печатали как непедагогичную — её осудила в своё время едва ли не лично Крупская. Зато появлялись russkoyazychnye analogi наименее кровавых историй. Я прекрасно помню, как по радио регулярно крутили песенку про то, как не желавший стричься «мальчик в плащице гулял, мальчик девочкой стал, и теперь он с мамой ходит завиваться в женский зал» на стихи, кажется, Эдуарда Успенского. Да, собственно, Маша-растеряша и Ганя-рёвушка, скорее всего, того же происхождения. Сам Гофман писал «Косматого Петера» для сына, так что девочек у него там мало; но зато огненная гибель несчастной Полинхэн одна из самых впечатляющих, Маша и Ганя таких ужасов всё же избежали.

Только в прошлом году «Стёпка-Растрёпка» вновь появился по-русски.

Зато в Германии его слава неувядаема: во Франкфурте есть отдельно музей Гофмана и отдельно музей Стёпки-Растрёпки, а героям книжки поставлен памятник.

Как в таких случаях нередко и бывает, сам Гофман сперва радовался безоговорочному успеху книги и собственной горомкой славе, а потом она его стала раздражать. Ведь он, кроме «Косматого Петера», написал и напечатал потомещё множество детских и взрослых книг!

Генрих Гофман, конечно, не мог не учить существование и известность своего однофамильца Эрнста Теодора Амадея, тем более что у того тоже имеется знаменитая рождественская сказка — «Щелкунчик и Мышиный король». И под очередное рождество Генрих Гофман выпустил собственную вариацию на эту же тему — «Король Щелкунчик, или Сон бедного Рейнгольда».

На английский довольно вольно перевел этого «Щелкунчика» Джеймс Робинсон Планше. На шмидтитуле имя переводчика дано куда крупнее, чем имя автора. Планше в Англии был известен и впрямь шире. Он был человеком обширных интересов. Антиквар, известный трудами по истории костюма и оружия, которые до сих пор ценятся, знаток геральдики и один из четырёх английских младших королевских герольдов, а главное — неутомимый театральный деятель. Он сочинил, перевёл и поставил в разных театрах неимоверное количество спектаклей, опер, обозрений, феерий. Производительность у него была примерно как у работающего драматурга Кабуки. Между прочим, кажется, именно Планше в 1820 году впервые вывел на английскую сцену вампира в пьесе по мотивам «Полидори и Нодье». А ещё, по понятным причинам, он был яростным борцом с зарождавшимися тогда в Англии авторским правом.

Тема Щелкунчика показалась Планше не менее сценичной, чем Чайковскому, кажется, он и настоящего «Щелкунчика и Мышиного короля» поставил, но Генрих Гофман оказался ему ближе. Это было обозрение в чистом виде. Перевод получился очень бойкий, разными размерами и с удалыми рифмами.

Сюжетом в «Короле Щелкунчике» tudo. В прологе дети просят бабушку рассказать им сказку, и та подбирает историю «странную и новую, грустную и весёлую, нелепую и правдивую». И, конечно, рождественскую.

Все празднуют рождество, а бедный сиротка Рейнгольд помирает в нищей хижине от горячки, без ёлки, без гостиных и гостей, только со своей несчастной матушкой-вдовой. Когда утомлённая матушка засыпает, мальчику является сияющий ангел и приглашает его праздновать Рождество в волшебную страну. Там не зима, а вечный май, там палаты с золотыми воротами и самоцветными колоннами, а под колоннами ящики с игрушками: домики, церквишки, деревца — целый городок! Рейнгольд начинает его строить, и оказывается сам на улицах Игрушечного Города, которым правит Король Щелкунчик.

Трубит солдатик-трубач, на площадь сбегаются другие бедные дети — каждый с той игрушкой, о которой мечтал; они признают Рейнгольда самым лучшим и готовы с ним играть, во что он захочет. Затем являются два петуха-герольда (что Планше было особенно приятно)

Памятник героям Г. Гофмана во Франкфурте

Деревянная игрушка Щелкунчик

Иллюстрация к книге Г. Гофмана «Король Щелкунчик и бедный Рейнгольд»

и возвещают о скором прибытии короля.

И вот объявляется и сам Щелкунчик и произносит краткую речь, разумеется, об урожае орехов, причём, вся скроплики обещает раздать желающим. Все его приветствуют, отрадно иметь короля, который грызёт орехи, а не головы поданных!

Рейнгольд удостаивается персональной аудиенции, его усаживают рядом с королём. И начинается представление. Сперва выступают два плюсана — куклы-дергунчики на верёвочках. Потом военный парад солдатиков, пехоты и конницы, вполне удачный: «их строй завалился только один раз». Пушкарь-кондитер стреляет в зрителей кренделями и конфетами.

Райские птички на ёлке поют рождественскую песенку. Приплывает Ноев ковчег, и деревянные Ной с семейством и пары зверей и птиц шествуют через Игрушечный Город. Но, конечно, книга — лучший подарок, а из книг, разумеется, лучшая — «Стёпка-Растрёпка»; бедный Рейнгольд всегда о ней мечтал, да денег не было. Так что шествие заключает в вереница непослушных персонажей этих гофмановских историй. Правда, без охотника с зайчиком и дотла сгоревшей Полиночки.

На том парад заканчивается, Щелкунчик прощается и уезжает на лошадке-качалке. Игрушечный Город вновь становится маленьким и исчезает, а ангел торопит Рейнгольда домой к маме. И мальчик просыпается в своей хижине, но уже совершенно здоровым.

В общем, всё очень зрелищно, и конец хороший, никаких злых крыс и мышей!

...Деревянные фигуруки, одну из которых Эрнст Теодор Амадей Гофман сделал персонажем своей сказки, в конце XVIII века вырезали шахтеры, работавшие в Рудных горах — регионе на границе Германии и Чехии. Некоторые из этих фигурок выполняли роль подсвечников, некоторые «курильщиков» (в них помещались благовония, и дым выходил через рот), некоторые умели колоть чесноки орехи.

Создателем фигурки щелкунчика, который стал одним из главных символов европейского Рождества, считается, как я уже писал, немецкий столяр Фридрих Вильгельм Фюхтнер. В 1870 году он прочитал сказку Генриха Гофмана и, вдохновившись ею, выстругал фигуруку, с которой началось массовое производство сувенирных щелкунчиков. Каждый традиционный немецкий щелкунчик состоит из шестидесяти частей и расписывается вручную.

Сейчас уже восьмое поколение мануфактуры Фюхтнер продолжает выпускать деревянных человечков с большой челюстью в самых разных образах от Наполеона до Дарта Вейдера.